

УДК 930.2

DOI: 10.17223/19988613/48/6

Е.Е. Дутчак, А.В. Васильев, Г.И. Колосова, Г.Н. Сербина

ОЦИФРОВКА КАК «ЯЩИК ПАНДОРЫ»: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ONLINE ПРЕЗЕНТАЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ КНИЖНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

Статья подготовлена в рамках проекта «Living or leaving tradition: textual heritage of the Taiga Old Believers' skit» (The Endangered Archives Programme, № EAP834).

Представлены итоги работы по оцифровке «Скитской библиотеки» – собрания кириллических рукописей конца XV–XX в., принадлежавшего таежному старообрядческому монастырю. Согласование отечественных стандартов археографического описания с требованиями международной программы «Архивы в опасности» позволило выделить три предметных поля – датировка, систематизация и историко-культурный контекст бытования христианской рукописной книги, в рамках которых может быть решен вопрос о научных результатах online презентации и перспективах изучения текстуального наследия сибирских староверов.

Ключевые слова: староверие; кириллическая рукописная книга; изучение и online презентация старообрядческих книжных собраний.

В XIX в. книгоиздание практически повсеместно вытеснило христианскую рукописную книгу из повседневного обихода русского читателя. Староверие осталось, пожалуй, единственным сообществом, сохранившим вплоть до сегодняшнего дня культуру конфессионального письма. Догматическое обоснование права на толкование священного текста «простецами» позволило ему консолидировать в своих руках памятники средневековой кириллической традиции и сформировать не только элитарный, но и низовой слой ее «продолжателей».

Опыты народной экзегезы не всегда завершались крупными литературно-публицистическими произведениями, тем не менее их значение трудно переоценить. Особенно востребованными они оказывались в регионах с неразвитой транспортной сетью, очаговым размещением населения и потребительским типом экономики. Так, появление в таежной зоне Сибири конфессиональных мигрантов, владеющих грамотностью «по-старому» и умеющих совершить для сельской округи необходимые ей православные таинства, создавало условия для компенсации общей отсталости территориальной инфраструктуры альтернативными формами приходской жизни и соответствующими ей религиозно-хозяйственными связями [1. С. 235–251].

Именно процессы бытования христианского текста в различных социальных средах сегодня могут быть отражены с помощью online презентации региональных старообрядческих книжных собраний. Оцифровка составляющих их рукописей и печатных изданий дает возможность как передать текстовую информацию, так и визуализировать внешний вид книги с материальными следами ее прочтения, хранения и реставрации. Настоящая статья посвящена определению научных перспектив internet-ресурса, призванного, с одной стороны, показать характерные черты письменной культу-

ры староверия XIX–XX вв.; с другой – обозначить предметные поля и перспективы изучения одного из ее региональных вариантов.

Сочетание презентационных и исследовательских задач предполагает определение путей решения проблемы. Мы исходим из принципиальной разницы данных, которые несут в себе единичный литургический, уставной или четий *текст* и *мега-текст* – собрание книг, складывающееся в течение долгого времени и в ходе большей частью целенаправленных усилий. Это дает основание для применения подходов современной текстологии к истории создания древнерусских компилятивных сочинений, когда фрагменты текстов рассматриваются не как автономные и сбалансированные структуры, а в их неоднородности и процессе взаимодействия [2]. Иными словами, визуализация корпуса текстов, принадлежащих старообрядческой общине, способна выявить не только вектор трансформации христианской книжной культуры в период «высокой современности», но и рефлексии их владельцев относительно того, что именно им следует переписать, приобрести или отреставрировать.

Материалом для исследования выступило собрание книг кириллической традиции, переданное томскому старообрядческому монастырю староверов-странников Томскому государственному университету. Рукописная часть коллекции, названной нами «Скитская библиотека», включает в себя 144 манускрипта (конец XV–XX в.), которые в течение 2017 г. будут размещены на сайтах Британской библиотеки [3] и Научной библиотеки ТГУ [4].

Работа с уникальным собранием таежного монастыря с почти двухсотлетней историей и подготовка в рамках международной программы «Архивы в опасности» («The Endangered Archives Programme») русско- и англоязычных комментариев к цифровым копиям осветили проблему адекватности этой цели методик ар-

географического описания, разрабатываемых на протяжении XIX–XX вв. для печатных каталогов. В настоящее время их простой перенос в Internet привел к тому, что в сети появилось внушительное число файлов с однотипным названием «Сборник старообрядческий», неатрибутированными сочинениями и без каких-либо сведений о прошлой истории книги. Поэтому открытие доступа к старообрядческим коллекциям не привело к ожидаемым результатам: пользователями цифровых копий остался узкий круг специалистов, которым эти собрания были известны и ранее, а привлечение к изучению «своих» коллекций ученых других стран и регионов для проведения компаративистских исследований не реализовано [5].

Мы выделили несколько аспектов (предметных полей), которые позволяют позиционировать цифровые копии как единый информационный комплекс и тем самым продуктивно решать заявленные задачи: датировка, систематизация и историко-культурный контекст бытования рукописей.

Датировка рукописей «Скитской библиотеки». Определение времени создания недатированных рукописных текстов является одной из самых сложных для исследователей древнерусской и старообрядческой письменной культуры не только в силу объективной неполноты справочной литературы, посвященной типам маркировки европейской и русской бумаги. Существенной преградой становятся догматические особенности изолированных скитских общин.

Так, в отношении «поздних» рукописей «Скитской библиотеки» можно сделать следующие наблюдения. Во-первых, бумага рукописей второй половины XIX – начала XX в., как правило, низкого качества с зачастую стертыми, не поддающимися идентификации штемпелями. Видимо, провинциальными скитскими общинами через посредников закупалась бракованная, некондиционная продукция, поскольку она была дешевле и не содержала видимых признаков «печати Антихриста» – стержневого для староверов-странников эсхатологического символа. Такими характеристиками обладает 2/3 манускриптов этого периода (66 из 99), причем в четырех рукописях штемпели вырезаны или зачеркнуты, а листы отреставрированы еще в ходе написания текста. Вместе с тем сопоставление их содержания с событиями в жизни таежного монастыря дает основание для предположений о времени возникновения некоторых из них. В частности, для томско-чулымских странников переписка сочинений, раскрывающих догматические положения их вероучения и смысл главного обряда – крещения (В-26102, В-27401)¹, совпадает с численным увеличением общины, ее расколом на «денежных» и «безденежных» и полемикой со староверами-титовцами – событиями, приходящимися на 1870–1930-е гг.

Во-вторых, бережное отношение к дорогой и не всегда доступной фабричной продукции привело к широкому использованию подручных материалов (конторских книг и школьных тетрадей, хозяйственной и

почтовой бумаги) и дописыванию пустых листов «старых» рукописей новыми текстами. Эти обстоятельства также делают необходимым для обоснования предлагаемых датировок привлечение косвенных сведений. Например, появление в окружающих скит селах почтовых отделений, сберегательных касс и школ позволяет нам считать 1910–1930-е гг. временем создания «Сборника назидательного характера с Повестью о взятии Царьграда турками в 1453 г.» (В-26160) и «разместить» 20 текстов богослужебного и четьего характера, написанных на листах ученических тетрадей, в диапазоне дат 1930–1990-е гг. (В-25878, В-26104, В-26144, В-26152, В-26348, В-26398, В-27073, В-27074, В-27075, В-27076, В-27398, В-27399, В-27400, В-27403, В-27607, В-27608, В-27609, В-27610, В-27611).

Самостоятельной проблемой для представления англоязычного варианта описаний к цифровым копиям манускриптов оказывается разница в системах датировки, принятых в отечественной и зарубежной научных традициях. Прежде всего, это касается рукописей, написанных на рубеже веков. Например, для российского исследователя указание на «конец XIX – начало XX в.» означает, что речь идет о периоде в 20–25 лет и тексте, созданном в 1885/1890–1910-е гг. В рекомендациях программы «Архивы в опасности» аналогичная формулировка маркирует диапазон дат в пределах почти столетия – 1860–1940-е гг.

Двойная датировка – «для нас» и «для них» – или указание на 1890 г. как нижнюю границу рукописи создает путаницу и чревато ошибочными выводами. Полагаем, что при отсутствии общепринятых решений единственным выходом пока остается отказ от использования двусмысленных определений и расширение хронологических рамок для манускриптов, бумага которых не имеет маркировки, таким образом – 1870–1910-е гг.

Систематизация рукописей «Скитской библиотеки». По требованиям программы «Архивы в опасности» оцифрованные документы должны быть распределены по сериям, и выбор оснований для их выделения отдается «на откуп» исследователям. Однако разумное решение в отношении старообрядческих книжных собраний (по своей природе смешанных, включающих в себя рукописи и печатные издания) уже привело к появлению в internet-пространстве информационных комплексов, сформированных по разным принципам – хронологии, видам воспроизведения текста и т.д.

Полагаем, что для книжных собраний действующих общин оптимальным остается деление по функциональному назначению текстов и анализ их как исторически сложившейся и иерархически организованной совокупности. Подход способен преодолеть главную трудность при изучении старообрядческих библиотек – их «пластичный», «размытый» характер [6], когда книги находятся в постоянном движении – обмениваются, отдаются единоверцам «на душевное спасение», копируются или, напротив, уничтожаются (такая участь постигала, по воспоминаниям скитников, поле-

мические послания конфессий-оппонентов – «там было плохо о нашей вере написано, и их сожгли» [7]).

В этом случае для корректной презентации книжной культуры старообрядческих деноминаций современная археография предлагает путь синхронного описания экземпляров книг, переданных в государственные хранилища и остающихся в среде бытования. Поскольку в отношении скитских собраний его реализовать непросто в силу замкнутого уклада жизни общины-изолята, то функционально-тематическая дифференциация будет обладать валидностью при выполнении двух условий: доступная для изучения часть должна содержать все группы текстов, находящихся в обиходе, а количественное соотношение между ними – не противоречить истории общины и отвечать представлениям их владельцев о внутренней градации книг.

Руководствуясь этими соображениями, мы разделили рукописи «Скитской библиотеки» на 6 серий: 1) Богослужение и священнодействие: молитвословия, церковные календари, религиозные таинства, обряды и праздники (Liturgy and Religious Rites: Prayerful Texts, Church Calendars and Descriptions of Rituals and Festivals) – 74 ед. хр., *вторая половина XVII в. – 1990-е гг.*; 2) Богословское и церковно-учительное чтение (Writings on Christian /Old Believers' Ethics and Moral) – 56 ед. хр., *конец XV в. – 1980-е гг.*; 3) Полемические тексты (Religious Controversy) – 5 ед. хр., *1870–1940-е гг.*; 4) Церковное право и монашеские уставы (Canon law and Monastic Rules) – 4 ед. хр., *1870–1940-е гг.*; 5) Духовные стихи (Religious Poetry) – 3 ед. хр., *1900–1960-е гг.*; 6) История общины (Community History) – 2 ед. хр., *1910–1990-е гг.*

Приведенные данные о составе и хронологических рамках серий опровергают устоявшееся мнение о том, что староверы-странники в силу догматического радикализма (для принявшего крещение-постриг «уход из мира Антихриста» считается обязательным, неважно – будет ли он физическим в скит или символическим в тайные комнаты домов единоверцев) не имели и не хранили древнюю книгу. В томско-чулымских скитах нам довелось видеть рукописный Паренесис Ефрема Сирина (1560-е гг.), а богослужение по сей день совершается по Минеям, изданным Московским Печатным двором во второй четверти XVII в.

Правомернее говорить о том, что это собрание строится в логике беспоповской традиции, когда минимальное количество типов литургической книги компенсируется максимальным распространением текстов для индивидуальной (келейной) молитвы. Этим объясняются, во-первых, доминирование рукописей небольшого формата с псалмами и канонами праздничных и ежедневных богослужений или предназначенных для поминовения единоверцев и ритуального очищения (47 ед. хр.); во-вторых, явный интерес к гимнографии исихазма. Например, «Служба Иисусу Христу», приписываемая византийскому автору XIV в. Феоктисту Студиту, в составе нашей коллекции пред-

ставлена 6 экземплярами разной степени полноты (В-27669, В-26408, В-26398, В-27104, В-26906, В-27666), и показательным разбросом дат – рукописи создавались на протяжении 1870–1950-х гг. и, вероятно, восходят к Каноннику второй половины XVII в. (В-24930).

На фоне внушительного массива молитвенных и регламентирующих ритуал текстов обращает на себя внимание малое для старообрядческого таежного монастыря число сочинений церковно-правового и уставного характера и записей духовных стихов. Вместе с тем диспропорция закономерна – преимущественно крестьянский состав насельников привнес в повседневность томско-чулымского скита обычное право и устные формы музыкальной культуры (пение по «напевке») [8], не предполагающие в обоих случаях письменной фиксации.

В равной мере регулярные контакты скита с сельской округой сформировали специфическое отношение к истории своей общины, единственным письменным воплощением которой являются два Синодика (В-26103, В-27667). В отличие от известных старообрядческих аналогов [9. С. 242–243] их компоновка и содержание обнаруживают не столько мемориальные и нравоучительные цели, сколько сотериологические: внесение в поминальный список есть условие будущего спасения, и «ненаписанные в книгах животных ввержены будут в озеро огненное» (фраза на страницах толкового Апокалипсиса подчеркнута читателем-скитником) [10. Л. 210]. Показательно и то, что имена умерших единоверцев как бы рассыпаны по Псалтырям или Канонникам, в записях на форзацах или вложенных в рукописи листах (см., например, В-27169). В результате устное повествование о жизни монастыря в прошлом концентрируется на персональных историях скитников и крещенных перед смертью мирян-«благодетелей», которые помнят их дети, пришедшие вслед за родителями в скит, потому что «умирать нужно под иконами» [11].

Отношение к месту проживания как единственно возможной «территории спасения», помимо прочего, привело к тому, что, в отличие от других старообрядческих сообществ урало-сибирского региона [12, 13], томско-чулымские странники не создали новых толкований Откровения Иоанна Богослова и не пытались дополнить иконографию Страшного суда собственным изобразительным рядом, довольствуясь приобретенными личными Апокалипсисами (например, В-27120) и имеющимся кругом текстов старообрядческой традиции XVII–XIX вв., сочинением дьякона Федора «О познании антихристовой прелести», «Поморскими ответами», Цветником Василия Гаврилова (В-25879, В-17389).

В связи с этим важными для характеристики комплекса вероучительных и назидательных текстов «Скитской библиотеки» становятся рассуждения С.Е. Никитиной о религиозных барьерах и табуировании. По ее мнению, конфессиональные культуры, время которых эсхатологично, а пространство оценивается по степени близости / удаленности «иноверцев», опре-

деляют отношение к внешнему миру по градуальному принципу [14]. Вытекающие отсюда гибкость в заимствованиях и умение сочетать центростремительные и центробежные контакты (распространение «своего» и усвоение «чужого») возникают не спонтанно, они всегда результат работы над богословской и церковно-учительной литературой, круг которой старообрядческая община определяет самостоятельно.

Состав «Скитской библиотеки» дает основания для выделения актуальных «читательских запросов» томско-чулымских странников. Частотный анализ текстов, представленных в конволютах и выписках, показывает, что наиболее значимыми для них на протяжении XX столетия оставались темы «истинное крещение» (9 обращений – В-26098, В-26128, В-26129, В-26130, В-26132, В-26153, В-26154, В-27629, В-27694), «еретики и лжеучителя» (В-26141, В-26143, В-26151, В-27068, В-27070, В-27238, В-27402) и «последние времена и познание антихристовой прелести» (В-17389, В-25879, В-26127, В-26146, В-27120, В-27638, В-27695) (по 7 обращений). В этом контексте объяснимо присутствие в репертуаре скитского чтения примечательного ряда произведений древнерусской литературы – Путника Иерусалимского, Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г., Сказания о 12-ти снах царя Мамера, Слов о ризном украшении и хмельном питии (В-24931, В-26160, В-27238, В-27627, В-26131) – как текстов, с помощью которых формировались представления о собственной религиозной миссии и легитимировалось право таежного монастыря выступать духовным и своего рода информационным центром для сельской округи.

Рукописи «Скитской библиотеки» не только сложны по составу – они еще и разнообразны по внешнему виду, что ставит вопрос об адекватном отражении в их названии особенностей томско-чулымской письменной культуры. Поскольку в современной научной литературе проблемы наименования все чаще оказываются в поле зрения специалистов [15], полагаем, что при online презентации самостоятельных коллекций пояснения русско- и англоязычной терминологии обязательны. В ходе работы с коллекцией мы сочли возможным привлечение следующих терминов.

Так, название «сборник» (collected texts) получили рукописи, содержащие не менее трех завершенных текстов и сшитые в одну книгу; к «конволютам» (manuscript-sammelband) отнесены рукописи, составленные (и обязательно сшитые) из написанных в разное время текстов и / или имеющие внутреннюю пагинацию частей; термин «компилятивное сочинение» (essay-compilation) использован для сшитых и несшитых рукописей, в которых цитаты, фрагменты текстов и библиографические отсылки распределены по разделам и каждый из разделов имеет заголовок; название «выписки» (excerpts) – для сшитых и несшитых рукописей, состоящих из цитат, фрагментов текстов и библиографических отсылок и не имеющих внутренних разделов. И, наконец, термином «подборки выписок» (selection of

excerpts) были обозначены небольшие несшитые рукописи, написанные разными писцами на одну тему и собранные читателем-скитником под одну обложку.

Возможности визуализации используемых скитниками техник переплета создают условия для показа историко-культурного контекста бытования рукописей «Скитской библиотеки». Необходимость в их освоении диктовалась не только естественным ветшанием книг, но и воздействием факторов среды: нелегальная община, пережившая за свою историю не менее четырех масштабных «зорений», в моменты опасности прятала книги в земляные тайники.

Однако благодаря этому обстоятельству мы с уверенностью можем констатировать, что воссоздания первоначального вида – «старинного» переплета и застёжек – требовали рукописи богослужебного характера, содержащие порядок ежедневных келейных молитв, чинопоследование таинств для «лишившихся соборной службы» и наиболее востребованные каноны. Несложно заметить, что «переодевание» в кожаные переплеты XVIII в. (видимо, когда-то находящиеся на изданиях старообрядческих типографий) чаще происходило с рукописями второй половины XIX – начала XX в. (В-26115, В-26408, В-26412, В-27104). Вероятно, они, пришедшие вместе с неопитами или купленные общиной, воспринимались как более «правильные», чем переписанные здесь.

«Скитские переплеты» открывают еще одну сторону жизни таежного монастыря – увеличение женской части общины на протяжении XX в. Рукописи этого периода либо не имеют переплетов вообще, либо не оставляют сомнений – они украшены или отреставрированы женщиной. Например, верхняя крышка переплета толкований на Апокалипсис Андрея Кесарийского (1910-е гг.) получает вырезанный из конфетной коробки букет роз, Скитской синодик – застёжку-поясок с пуговицей, а школьная тетрадь со Скитским покаянием – тканевый, с «немужским» рисунком корешок (В-26127, В-26103, В-27398). Только появление в общине в 1980-е гг. старца Федосея – краснодеревщика по профессии – возродило традиционную технику. Известные нам переплеты его книг, в том числе остающихся в общине, выполнены в одной манере: дощатые крышки обтянуты тканью сиреневого цвета, для корешка и ремешков медных застёжек использована кожа (В-26418).

Скитская реставрация, наверное, нагляднее всего показывает главное преимущество оцифровки: технически решаемая проверка авторских выводов читателем научной публикации становится отправной точкой как для дискуссий, так и для сотрудничества. Вместе с тем наш опыт участия в программе «Архивы в опасности» заставляет вновь обратиться к ситуации, уже остроумно названной «цифровой гонкой вооружений» [16].

Массовая оцифровка книжных фондов – объективная реальность, в которой сегодня существуют исследователи и библиотекари. И если для последних это, прежде всего, способ обеспечить долговременную сохранность и доступ к уникальным материалам, то пер-

вые ждут от нее повышения эффективности, качества и скорости собственной работы. Казалось бы, интересы должны совпадать, но, по крайней мере в области кириллической рукописной книги, оцифровка оказывается «ящиком Пандоры» – проекты зачастую не оправдывают себя с точки зрения вложенных средств и порождают трудности, связанные с поиском нужных источников, размещенных без необходимых атрибутивных данных в десятках российских и зарубежных электронных библиотек.

Выходом является понимание того, что оцифровка – не самоцель, она должна вписываться в существующие исследовательские траектории, опираться на внутреннюю логику коллекций, исторический контекст их существования. В нашем случае поиск оптимальных способов презентации был направлен на раскрытие социально-коммуникативных процессов, в ходе которых происходило усвоение литургических и канонических норм и практик православной культуры, формировались мировоззрение и читательские предпочтения та-

ежных насельников, изменялись их поведенческие стратегии. Конечно, рассмотренные выше аспекты представления рукописей «Скитской библиотеки» – датировка, систематизация и историко-культурный контекст бытования – не исчерпывают всех возможностей, которые дает исследователю online презентация старообрядческих книжных коллекций. Однако они показывают – как в мифе о ящике Пандоры – что за проблемами и ложными ожиданиями по-прежнему остается надежда на то, что современные технологии могут быть действенным научным инструментом по расширению информационного потенциала гуманитарных наук.

Благодарности. Мы выражаем искреннюю признательность коллегам, консультации которых помогли нам в работе – Наталье Кобяк и Александру Лившицу (Научная библиотека МГУ), Татьяне Казанцевой (ГПНТБ СО РАН), Christa Hofmann (Австрийская национальная библиотека, Австрия), Джин Коллонтай (ТГУ).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее даны инвентарные (витринные) номера рукописей, хранящихся в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Православная культура вчера и сегодня. Olsztyn : Изд-во Варминско-Мазурского университета, 2015. 379 с.
2. Плоханова М.Б. «Многосложное послание / свиток» как лаборатория идей // Труды отдела древнерусской литературы. СПб. : Наука, 2014. Т. 62. С. 343–374.
3. EAP834 «Living or leaving tradition: textual heritage of the Taiga Old Believers' skit». The Endangered Archives Programme. URL: <http://eap.bl.uk/database/results.a4d?projID=EAP834> (access date: 01.06.2017).
4. Скитская библиотека. Научная библиотека Томского государственного университета. URL: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:4153> (дата обращения: 01.06.2017).
5. Dutchak E., Vasilyev A. Breathing life into rare book collections: the Digitization of the Taiga Skit Old Believers' Library // Libri. International Journal of Libraries and Information Services. 2016. Vol. 65, is. 4 (December). P. 313–326.
6. Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Старообрядческие библиотеки Сибири (проблемы реконструкции) // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск : Наука, 1992. С. 125–130.
7. Красный Яр // Архив археографической экспедиции Томского государственного университета. Тетр. 7.
8. Казанцева Т.Г. Неизвестная нотация в старообрядческой рукописи из «Скитской библиотеки» собрания Томского государственного университета // Вестник Свято-Тихоновского университета. Сер. V, Вопросы истории и теории христианского искусства. 2017. № 2. С. 134–154.
9. «Поминание жителей села Самодуровки...»: к истории старообрядчества Поволжья / вступ. ст., публ. и примеч. Е.А. Агеевой // Рукописи. Редкие издания. Архивы: из фондов библиотеки Московского университета. М. : Изд-во МГУ, 1997. С. 242–254.
10. Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской. Толкование на Апокалипсис. М. : Тип. Преображенского кладбища, 1910. (Книга находится в общине староверов-странников).
11. Красный Яр : аудиозапись // Архив археографической экспедиции Томского государственного университета. Кассета 3.
12. Počinskaja I.V. Eine altgläubige Interpretation der Johannesapokalypse aus jüngsten Zeit // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 2015. B. 63, H. 3. S. 430–443.
13. Anufrieva N. Иконография Страшного суда по двум памятникам книжных собраний урало-сибирского региона // Przegląd wschodnioeuropejski. 2016. VII/1. S. 67–82.
14. Никитина С.Е. Конфессиональные культуры в их территориальных вариантах: (проблемы синхронного описания). М. : Российский науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, 2013. 305 с.
15. Крутова М.С. Книга глаголемая: семантика, структура и варьирование названий русских рукописных книг XI–XIX вв. М. : Пашков дом, 2010. 369 с.
16. Юмашева Ю.Ю. Архивы и «цифровая гонка вооружений» // Информационные технологии в архивах и музеях. М., 2013. Электрон. версия печат. публ. URL: http://kleio.asu.ru/2013/3/hcsj-32013_92-101.pdf (дата обращения: 01.06.2017).

Dutchak Elena E. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: dee010@mail.ru; *Vasilyev Artyom V.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: art@lib.tsu.ru; *Kolosova Galina I.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ork_2003@mail.ru; *Serbina Galina N.* Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: serbina@lib.tsu.ru

DIGITIZATION AS A PANDORA'S BOX: RESEARCH PERSPECTIVES OF ONLINE OLD BELIEVERS' BOOK COLLECTIONS.

Key words: Old-Believers; manuscript book in Church Slavonic Cyrillic; study and on-line presentation of the Old-Believers' book collections.

The article examines the scientific perspectives of development of a digital resource designed to show the specific features of the written culture of the Old Believers in the conditions of the modernization processes of the 19th-20th centuries. The material for the research is the Skit Library - a collection of Cyrillic manuscripts of the late 15th - 20th centuries, given by a living community of the Old Believers to Tomsk State University. The collection includes 144 manuscripts, access to which will be provided in 2017 on the websites of the British Library and TSU Research Library.

Preparing bilingual comments to digital copies raised the questions about the harmonization of Russian Standards for the description of manuscripts with the international requirements of Endangered Archives Programme and the list of the supporting information that a researcher needs when working with a historical document on-line. The article highlights three aspects that allow to present the manuscripts of the Skit Library as a single information complex and thereby to solve different objectives productively: studying the transformations of the written culture of the Old Believers in the conditions of the present-day conditions and presenting unique historical sources to the international academic community.

1. When dating Old Believer manuscripts written on paper without marking signs, it is necessary to take into account both the eschatological nature of the Old Believers' faith and the development of a regional infrastructure. For example, stamps on the paper erased by scribes on some manuscripts can be explained by the actualization of apocalyptic fears and increased attention to the visible signs of the "Antichrist's presence" on the Old Believers' confessional products, and the use of office books and postal paper as a writing material – by the history of postal offices and savings banks opened in villages surrounding the taiga skit.

2. Assignment of manuscripts according to their functional purpose and the analysis of copies made by the Skitniks allow us to make an assumption about the hierarchical structure of the Skit Library. The most important texts for the religious community were prayer and ritual texts, followed by works on "true baptism", "heretics and the false teacher", "the end time". These data create conditions for a correct description of the external and internal social and communication links of the community and the text corpus, where the community's liturgical practices and ideas about its own religious mission were forming.

3. Visualization of the binding and restoration techniques used by the Skitniks helps to detail the general statements about the Old Believers' desire to follow the Old Russian tradition of decorating the Christian text and clearly show the ways of preserving it.

Thus, the digitization of a particular Old Believer collection ceases to be an end in itself and becomes an instrument for studying the socio-cultural landscape of the Taiga Siberia.

REFERENCES

1. Potekhina, e. & Kravetskiy, A. (eds) (2015) *Pravoslavnyaya kul'tura vchera i segodnya* [Orthodox Culture Yesterday and Today]. Olsztyn: University of Warmia-Mazury.
2. Plyukhanova, M.B. (2014) "Mnogoslozhnoe poslanie/svitok" kak laboratoriya idey ["Multisyllabic message / scroll" as a laboratory of ideas]. In: Ponyrko, N.V. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 62. St. Petersburg: Nauka. pp. 343–374.
3. EAP834. (n.d.) *Living or leaving tradition: textual heritage of the Taiga Old Believers' skit. The Endangered Archives Programme*. [Online] Available from: <http://eap.bl.uk/database/results.a4d?projID=EAP834>. (Accessed: 1st June 2017).
4. Research Library of Tomsk State University. (n.d.) *Skitskaya biblioteka* [The Hermitage Library]. [Online] Available from: <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Collection/vital:4153>. (Accessed: 1st June 2017).
5. Dutchak, E. & Vasilyev, A. (2016) Breathing life into rare book collections: Digitisation of the Taiga Skit Old Believers' Library. *Libri. International Journal of Libraries and Information Services*. 65(4). pp. 313–326. DOI: 10.1515/libri-2016-0010
6. Dergacheva-Skop, E.I. & Alekseev, V.N. (1992) Staroobryadcheskie biblioteki Sibiri (problemy rekonstruktsii) [Old Believers' Libraries of Siberia (problems of reconstruction)]. In: Pokrovsky, N.N. & Morris, R.A. (eds) *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional spiritual and material culture of Russian Old Believers' settlements in Europe, Asia and America]. Novosibirsk: Nauka. pp. 125–130.
7. Anon. (n.d.) Krasnyy Yar [Krasny Yar]. In: *Arkhiv arkheograficheskoy ekspeditsii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Archives of The Archeographic Expedition of Tomsk State University]. Book 7.
8. Kazantseva, T.G. (2017) Unknown notation in an Old Believers' manuscript from the Hermitage Library of Tomsk State University Collection. *Vestnik Syvato-Tikhonovskogo universiteta. Seriya V. Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva – St. Tikhon's University Review. Series V: Problems of History and Theory of Christian Art*. 2. pp. 134–154. (In Russian). DOI: 10.15382/sturV201726.131-151
9. Ageeva, E.A. (ed.) (1997) "Pominanie zhiteley sela Samodurovki...": k istorii staroobryadchestva Povolzh'ya ["Remembrance of the inhabitants of the village Samodurovka . . .": To the history of the Old Believers in the Volga Regio]. In: *Rukopisi. Redkie izdaniya. Arkhivy: Iz fondov biblioteki Moskovskogo universiteta* [Manuscripts. Rare editions. Archives: From the Collections of the Moscow University Library]. Moscow: Moscow State University. pp. 242–254.
10. Andrew, Archbishop of Caesarea of Cappadocia. (1910) *Tolkovanie na Apokalipsis* [Interpretation of the Apocalypse]. Moscow: Tip. Preobrazhenskogo kladbishcha.
11. Anon. (n.d.) Krasnyy Yar: audiozapis' [Krasny Yar: Audio recording]. In: *Arkhiv arkheograficheskoy ekspeditsii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Archives of The Archeographic Expedition of Tomsk State University]. Recording 3.
12. Počinskaja, I.V. (2015) Eine altgläubige Interpretation der Johannesapokalypse aus jüngsten Zeit [An Old Believers' interpretation of the recent Johannes Apocalypse]. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 63(3). pp. 430–443.
13. Anufrieva, N. (2016) Ikonografiya Strashnogo suda po dvum pamyatnikam knizhnykh sobraniy uralo-sibirskogo regiona [Iconography of the Last Judgment on two monuments of book collections of the Ural-Siberian region]. *Przeglad wschodnioeuropejski*. VII/1. pp. 67–82.
14. Nikitina, S.E. (2013) *Konfessional'nye kul'tury v ikh territorial'nykh variantakh: (problemy sinkhronnogo opisaniya)* [Confessional cultures in their territorial variants: (problems of synchronous description)]. Moscow: Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev.
15. Krutova, M.S. (2010) *Kniga glagolemaya: semantika, struktura i var'irovanie nazvaniy russkikh rukopisnykh knig XI–XIX vv.* [The book is said: Semantics, structure and variation of names in Russian manuscripts of the 11th – 19th centuries]. Moscow: Pashkov dom.
16. Yumasheva, Yu.Yu. (2013) *Arkhivy i "tsifrovaya gonka vooruzheniy"* [Archives and "a race to digitize"]. [Online] Available from: http://kleio.asu.ru/2013/3/hesj-32013_92-101.pdf. (Accessed: 1st June 2017).